

Сухомлина Татьяна Александровна

МОДАЛЬНОСТЬ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ В ТЕКСТЕ

Статья посвящена описанию модального значения будущего времени в англоязычном тексте. Автор приходит к выводу, что особенности реализации модальности будущего времени в английском языке в значительной степени обусловлены сложившимся строем языка, уникальными свойствами его структуры. Исследуемое модальное значение будущего - это основная составляющая категориального значения формы глагола, которое неотделимо от семантики времени.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/4-2/53.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 4 (46): в 2-х ч. Ч. II. С. 185-189. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список литературы

1. Аншакова С. Ю. Языковая картина мира в системе антонимических оппозиций русских былинных текстов: автореф. дисс. ... к. филол. н. Тамбов, 2004. 28 с.
2. Блох М. Я. Теоретические основы грамматики. М.: Высшая школа, 2004. 239 с.
3. Боева Н. Б. Грамматическая антонимия в современном английском языке: автореф. дисс. ... д. филол. н. М., 2001. 32 с.
4. Головнева Ю. В. Основные свойства и модели элементарной единицы текста // Филологические науки в России и за рубежом: мат-лы междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, февраль 2012 г.). СПб.: Реноме, 2012. С. 115-118.
5. Лотман Ю. М. Феномен культуры [Электронный ресурс] // Статьи по семиотике и топологии культуры. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Lotm/03.php (дата обращения: 26.01.2015).
6. Московская фонологическая школа [Электронный ресурс] // Лингвистический энциклопедический словарь. URL: <http://www.tapemark.narod.ru/les/316b.html> (дата обращения: 04.02.2015).
7. Новиков Л. А. Антонимия в русском языке: Семантический анализ противоположности в лексике. М.: Изд-во Московского ун-та, 1973. 289 с.
8. Новикова Ю. О. К вопросу о роли речевой антонимии в формировании языковой картины мира (на материале американского варианта английского языка) // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2008. № 4. С. 227-229.
9. Оппозиция языковая [Электронный ресурс] // Энциклопедия Кругосвет. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/OPPOZITSIYA_YAZIKOVAYA.html (дата обращения: 26.01.2015).
10. Петина С. С. Оппозиционное замещение в морфологии как объект изучения коммуникативно-парадигматической лингвистики // Известия Южного федерального университета. Серия: Филологические науки. 2014. № 1. С. 80-86.
11. Скрипник Я. Н. К вопросу о нейтрализации фоносемантических оппозиций [Электронный ресурс] // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. URL: http://rus.neicon.ru:8080/xmlui/bitstream/handle/123456789/1746/69_51.pdf?sequence=1 (дата обращения: 26.01.2015).
12. Ушева С. Н. Метод оппозиций в морфологических исследованиях: концепция Ж. П. Кантино [Электронный ресурс]. URL: http://sociosfera.com/publication/conference/2013/177/metod_oppozicij_v_morfologicheskikh_issledovaniyah_konceptsiya_zh_p_kantino/ (дата обращения: 29.01.2015).
13. Филимонова Ю. В. Системное исследование нейтрализации как явления языковой нормы в современном русском языке: дисс. ... к. филол. н. Ярославль, 2000. 210 с.
14. Цветкова А. Н. Контраст как механизм создания зачина в тексте английской народной сказки // Актуальные вопросы филологических наук: мат-лы междунар. науч. конф. (г. Чита, ноябрь 2011 г.). Чита: Изд-во Молодой ученый, 2011. С. 141-144.

**OPPOSITION AS THE OBJECT OF THEORETICAL RESEARCH
(BY THE MATERIAL OF THE ENGLISH LANGUAGE)**

Solov'eva Nataliya Vladimirovna, Ph. D. in Philology
Moscow Region State University
natavs@list.ru

The article analyzes the existing researches of language opposition as a universal represented at all levels of the language. The types of phonological, semantic, grammatical oppositions and their subclasses are considered. Special attention is also paid to the phenomenon of neutralization – the erasing of opposition in certain positions, found at all levels of the language system, and the phenomenon of the oppositional substitution, opposed to grammatical antonymy.

Key words and phrases: phonological opposition; grammatical opposition; semantic opposition; antonyms; neutralization; oppositional substitution; transposition.

УДК 811.111

Филологические науки

Статья посвящена описанию модального значения будущего времени в англоязычном тексте. Автор приходит к выводу, что особенности реализации модальности будущего времени в английском языке в значительной степени обусловлены сложившимся строем языка, уникальными свойствами его структуры. Исследуемое модальное значение будущего – это основная составляющая категориального значения формы глагола, которое неотделимо от семантики времени.

Ключевые слова и фразы: семантика будущего времени; модальность; категориальное значение; гипотетичность реализации событий; универсальный лингвистический феномен.

Сухомлина Татьяна Александровна, к. филол. н, доцент
Поволжская государственная социально-гуманитарная академия
tanya-sukhomlina@yandex.ru

МОДАЛЬНОСТЬ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ В ТЕКСТЕ®

Будущее время как категория текста является универсальным лингвистическим феноменом. Погружаясь в конкретный языковой текст, будущее время характеризуется специфическими свойствами: поскольку

не является объектом наблюдения, то, чаще всего, будущее время служит фоном, на котором разворачиваются события. К тому же, значение будущего времени органически связано с модальностью, так как описываемое событие не является фактом действительности по причине гипотетичности его реализации. Главная цель работы – описание модального значения будущего времени в английском языке на примере отрывков из художественной литературы и публицистики. Основными задачами предлагаемого исследования является выделение наиболее распространенных способов выражения модальности будущего времени и определение их значения в формировании смысловой структуры текста. Знание специфических особенностей выражения будущего времени развивает навыки внимательного чтения литературы и способствует получению читателем эстетического удовольствия от прочтения.

Значение выражения будущего времени глаголом соответствует его предикативному значению, поэтому изменение, расширение или нейтрализация семантики времени зависит от контекста и влияет на отражение повествования сюжета в целом. Известно, что действия в будущем времени не выражаются объективно и достаточно зависимы от личного отношения говорящего, в результате отражение событий в будущем связано с отношением субъекта к действию, то есть с модальностью и оценкой.

Модальность – это отношение составных частей в предложении к действительности. Она не является особой категорией предложения, поскольку выявляется как на уровне грамматических элементов языка, так и на уровне его лексических элементов. В этом смысле любое выражение, которое отражает некоторую оценку называемой действительности, можно признать модальным. Отметим, что современный этап развития лингвистики проводит деление понятия «модальность» на модальность объективную, выражающую реальное отношение высказывания к действительности, и модальность субъективную, соотносящую высказывание с мнением говорящего. Тем самым, можно признать статус субъективно-оценочного фактора как признака модальности в отличие от чисто грамматической интерпретации модальности как выражения степени реальности высказывания. Следовательно, субъективный фактор, который взаимодействует с объективным, всегда присутствует в оценке и является ее важнейшей особенностью. Через модальность выражается личность автора, его мировосприятие, эмоции, художественное кредо, с одной стороны, и жанр художественного произведения – с другой.

Как показывает анализ фактического материала, самым распространенным способом выражения модальности является сочетание глаголов *shall / will* или *should / would* с инфинитивом. Отметим, что выделить отличия между временным значением будущего и модальным значением у данных глаголов очень трудно. Анализ фактического материала показывает, что в английском языке встречается много случаев, когда в высказывании реализуются примерно одинаковые по силе компоненты модальности и футуральности и при этом допускается их двойное толкование:

«That's may be, – said Chrystal. – But they're also two influential old men. They get round, they **won't let** you in by default I didn't mean to say we **shan't work** it. I think we've got a very good chance» [5, p. 93]. / «Это вполне возможно, – сказал Кристал. – К тому же, они два влиятельных старика. Они пройдут мимо и не разрешат тебе войти, если ты разоришься. Я не хочу сказать, что это не сработает, но я думаю – это вполне хороший шанс».

В данном примере зависимость будущего времени от модальной оценки говорящего, а также присутствие пропозиции, предполагающей некие важные действия и характеристики субъекта, фактически иллюстрируют одинаковые по силе компоненты модальности и футуральности (значения долженствования и волеизъявления, соответственно для *shall* и *will*).

В литературно-художественных текстах авторы очень часто специально используют модальные оттенки значений, которые имеются у глаголов будущего времени для передачи особого отношения говорящего к осуществлению действия или события в будущем. Например, глаголы *shall / will* с инфинитивом могут употребляться в одном и том же предложении в сочетании с одинаковым местоимением, и тем самым, автор хочет подчеркнуть различие значений глаголов и ярче показать время. Например:

«You **shall know** what I have discovered, – he said. – If you **will first put** on your hat and cloak, and come out with me» [1, p. 75]. / «Ты узнаешь, что я обнаружил, – сказал он. – Если сначала наденешь шляпу и плащ и выйдешь со мной».

В приведенном примере, в предложении «You shall know what...» – модальное значение с семантикой «обещания» выходит на первый план, а в предложении «You will first put on...» – проявляется семантика «волеизъявления» человека, о котором идет речь. Употребление в приведенном примере формы глагола *will* с инфинитивом в придаточном предложении подчеркивает в нем значение модальности, в то время как временное значение будущего в обеих формах является дополнительным.

Анализ фактического материала подтверждает преобладающее модальное значение у будущего времени в следующих случаях: запрос о волеизъявлении или намерении совершить действие, ситуация желания или обещания лица осуществить действие, употребление вводно-модальных слов.

Например, личная решимость, намерение и упорство на фоне общего модального значения волеизъявления часто встречается в английском языке, когда в форме подлежащего выражен человек, обладающий желанием совершения действия. Это является отличительной чертой синтаксического строя английского предложения, при котором регулярное и эксплицитное выражение в позиции подлежащего получает субъект говорения, что способствует выражению его личных модальных оттенков с минимальной зависимостью от средств

контекста: «So far as I am concerned I'll go on asking questions till I find him» [2, p. 97]. / «Итак, что касается меня, то я буду продолжать задавать вопросы до тех пор, пока я его не найду». «If you are not interested, your supporters may be. – said Jago. – I shall protect my wife in all ways open to reason...» [5, p. 75]. / «Если вы не заинтересованы, то, возможно, ваши сторонники заинтересованы в этом. – сказал Яго. – Я буду защищать свою жену всеми способами, чтобы открыть причину...».

Нередко, авторы используют прием чередования форм будущего времени *shall* и *will* с инфинитивом с одним и тем же грамматическим лицом, с целью выделить и увеличить потенциальные модальные значения этих глаголов. Чередование форм *shall* / *will* можно наблюдать в следующем примере:

«I shall start with the ice, Marie, to cool the passion with which your eyes inflame me, and then without hesitation I will devour the wing of a chicken in order to sustain myself against your smile I shall then proceed to a fresh sole, and with the pea-soup I will finish a not unsustaining meal» [4, p. 49-50]. / «Я начну со льда, Мэри, чтобы охладить страсть, с которой ваши глаза пожирают меня. Затем, без колебания, я съем крылышко цыпленка, чтобы не поддаться вашей улыбке и только потом, я закончу все гороховым супом, который будет означать, всю ту еду, к которой я не притронулся».

В приведенном примере на референциальное значение будущего времени накладывается дополнительное значение желанья, обещания героя осуществить действие, поэтому пафосная речь мага, которая является характеристикой его личности, звучит завораживающе и гипнотически. Такой эффект достигается при помощи чередования и повторения конструкций «*shall* / *will* + инфинитив», что создает ритмический эффект, а также привлекает внимание читателя и делает высказывание эмфатическим.

Модальность будущего времени часто выражается как зависимое значение от различных видов установок (мнения, желанья, суждения). Поэтому к группе средств экспликации личного отношения говорящего к содержанию высказывания относятся модальные слова. Анализ фактического материала показывает контекстуальное взаимодействие модальных слов с формой будущего времени. В литературном контексте они выражают степень убежденности говорящего и демонстрируют объем его знаний на момент высказывания. К тому же, модальные слова позволяют говорящему делать предположения относительно вероятности наступления будущей ситуации. Нередко, будущее время, реализуемое в сочетании с модальными словами, определяет характеристику героя. К тому же, выбор вводящего слова зависит от личных качеств персонажа, а также от его способности контролировать ситуацию. Следовательно, будущее в таких контекстах становится прогнозируемым, а прогноз – обоснованной и доступной герою высказывания информацией о положении дел, включая описание участников общения, а также их фоновые знания.

Согласно исследованию, наиболее частым является употребление модального слова *perhaps*, которое свидетельствует о том, что мнение говорящего основано на его недостаточном знании ситуации: «...if I tell people, how it is over here perhaps they will send a good man with a fire of love» [3, p. 34]. / «...если я расскажу людям как здесь все на самом деле, то они, возможно, пришлют мне сюда хорошего человека с огнем любви». Семантика слова *probably* имеет значение гипотетичности, а приближение описываемой ситуации в будущем рационально объяснимо. Говорящий в таком случае не уверен в своих истинных мотивах действий, не обладает информацией о причине этого действия: «He'll probably stick around for a few hours checking for a lead on the forger» [2, p. 120]. / «Он, вероятно, застрянет здесь на несколько часов в поисках главного подельщика».

Показательным при описании модальности будущего времени является употребление значения будущего в придаточных предложениях, зависящих от глагола *знать* / *to know*. При рассмотрении таких предложений, кажется, что значение глагола *to know* противоречит значению категории будущего, так как человек не может обладать знанием, то есть абсолютно достоверной информацией о будущем. В данном случае допускается, что глагол «*to know*» имеет не свое буквальное значение «*знать*», можно лишь предположить наличие особой ситуации, при которой событийная сторона времени относится к области настоящего и только частично проецируется на будущее. Следующий пример является иллюстрацией такой сложной ситуации: «You know you will always be welcome to come back now that we realize your true position» [Ibidem, p. 27]. / «Ты знаешь, тебе всегда здесь будут рады, когда решишь вернуться раньше того, как мы узнаем истинную причину». Форма будущего «тебе всегда здесь будут рады» в сочетании с временным наречием «*now*» воплощает значение начинательности, то есть новое положение адресата высказывания, полученное им в результате какого-то действия, распространяющееся на неопределенный срок в будущем. В этом случае, когда форма будущего в придаточном обозначает действие, которое следует за определенным моментом, происходит речевая модификация значения глагола *знать* / *to know* за счет нового оттенка максимальной уверенности, граничащей с объективным знанием.

Отметим, что суждения о будущем всегда построены на основе некоей когнитивной базы говорящего, поэтому когнитивный аспект является важной составляющей коммуникативной ситуации при актуализации значений уверенности / неуверенности в ситуации предположения. Основой при определении степени уверенности субъекта речи в будущем событии во многих случаях является его опыт, представленный в речи как обоснование для суждения. Окружающий контекст дополнительно помогает раскрыть то, из чего исходит говорящий, предсказывая, предполагая или утверждая значение будущего действия для читателя.

Наиболее убедительными для читателя являются предсказания, в основе которых лежат знания объективного характера. К ним относится знание настоящей ситуации, мотивов участников, что позволяет уверенно делать определенные логические выводы:

«The new army shaped by the cuts **will be** more home-based with 20,000 troops due back from Germany by 2020 than at any time since 1792. It **will also be** less expeditionary, less ready, less fulltime, after a big expansion in the reserve, and **will have** fewer opportunities for senior command» [6, p. 33]. / «Новая армия, сформированная из остатков, будет больше национальной и насчитывать 20 000 войск, которые в большей степени вернутся из Германии к 2020 году, чем когда бы то ни было с 1792 года. Она также будет менее экспедиционной, менее подготовленной, менее мобилизованной, после такого большого расширения. К тому же, она будет меньше связана с главнокомандующим».

Предсказывая или предполагая ситуацию в будущем, говорящий демонстрирует свою личную уверенность эмоционально. Эти эмоции – результат ранее сложившейся убежденности человека в строго определенной тенденции развития событий. Личная убежденность говорящего, в отличие от уверенности, основанной на его знании и логическом анализе настоящей ситуации и прошлых событий, является таким ментальным состоянием человека, базирующемся на вере в собственные силы или в некоторую внешнюю логику развития, что можно назвать «слепой верой»:

He said: «We will catch him. It is only a question of time» [7, p. 45]. / Он сказал: «Мы его поймаем. Это лишь вопрос времени».

Анализ фактического материала показывает, что форма *will* с инфинитивом может выражать менее уверенное предположение, чем в сочетании с перфектным инфинитивом. При этом значение предположения в первом случае относится к будущему времени, что придает ситуации, о которой идет речь, некоторый, очень слабый оттенок будущности:

«**We are going to** let him see some of the material you deal with, of course, only enough to establish the fact that we cooperating – in a sort of way. He'll **know** more than we do about Zaire» [3, p. 23]. / «Мы собираемся разрешить ему посмотреть некоторые материалы, с которыми вы работаете. Конечно, это только для того, чтобы констатировать наш факт сотрудничества. Он узнает больше чем мы о Заир».

При реализации будущего времени в контексте, типичное поведение говорящего, как правило, осложнено дополнительными модальными оттенками. Сравните следующие примеры, где в первом случае говорящий на основе своего личного опыта характеризует некую группу субъектов, а в следующем – уже усматривается оттенок намерения:

...old priest <...> had explained to him: «They will always tell you they are poor, starving, but they will always have a little store of money buried somewhere, in a pot» [Ibidem, p. 12]. / ...старый священник <...> как-то объяснил ему: «Они всегда будут говорить вам, что они бедные и голодные, но у них всегда будет небольшой запас денег, спрятанный где-то в горшочке».

«*Jago. I've got nothing against him, – said Nightingale. – People will feel there are certain objections, – Brown reflected. – Some people will object to anyone»* [5, p. 62]. / «Яго, я ничего не имею против него, – сказал Соловей. – Люди всегда будут чувствовать, что есть какие-то возражения, – ответил Браун. – Некоторые будут даже возражать».

В приведенных примерах временную отнесенность высказываний можно охарактеризовать как неопределенную, поскольку выраженное действие может реализоваться как в настоящем, так и в любой момент времени в будущем.

Отметим, что ведущие признаки формы будущего времени, среди которых модальность и перспективность сохраняются в любом случае употребления и практически не нейтрализуются, поскольку в контексте употребления во вневременном значении, проявляющемся как возможность применения типичного свойства к конкретной ситуации, характерная черта будущего может реализоваться в частном случае, и для его реализации необходимо наступление соответствующей ситуации с соответствующим условием.

Выделенные особенности реализации модальности будущего времени в английском языке в значительной степени обусловлены сложившимся строем языка, уникальными свойствами его структуры, предъявляющими читателю определенный подход к представлению о языковых формах. К тому же, будущее время кроме временного значения имеет дополнительные значения, тесно связанные с перспективностью действия. Значение, которое имеет будущее время, сильно зависимо от контекста повествования. Разделение глаголов *shall / will* на модальные и вспомогательные не имеет смысла, поскольку будущее время всегда имеет семантику предчувствия, ожидания и намерения действия, которое может произойти. Референциальное значение имеют лишь такие предложения как: *Tomorrow will be Friday.* / Завтра будет пятница. Они представляют собой общеизвестные истины, которые не зависят от воли говорящего. Важно заметить, что модальное значение будущего – это основная составляющая категориального значения формы глагола, которое неотделимо от семантики будущего времени.

Список литературы

1. Collins W. The Woman in White. Мн.: Юнацтва, 1991. 140 p.
2. Forsyth F. The Biafra Story: The Making of an African Legend. М.: Натали, 2012. 432 p.
3. Greene G. W. The Third Man. London, 1964. 96 p.
4. Maugham W. S. The Outstation. М.: Менеджер, 1997. 167 p.
5. Snow M. Biographie of Walking Woman. М.: Harper Collins Publishers, 2005. 120 p.
6. The Economist. 2013. January 19th. 87 p.
7. Waugh E. Brideshead Revisited. М.: Penguin Books, 1978. 237 p.

MODALITY OF THE FUTURE TENSE IN THE TEXT

Sukhomlina Tat'yana Aleksandrovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Samara State Academy of Social Sciences and Humanities
tanya-sukhomlina@yandex.ru

The article aims to describe the modal meaning of the Future Tense in the English text. The author concludes that the peculiarities of realization of the Future Tense modality in the English language are mostly conditioned by the established system of the language, unique features of its structure. The investigated modal meaning of the future is the basic component of the categorial meaning of the form of a verb which is inseparable from the semantics of tense.

Key words and phrases: semantics of the Future Tense; modality; categorial meaning; hypothetical character; realizations of the events; universal linguistic phenomenon.

УДК 821.161.1.09

Филологические науки

В статье дается теоретическое обоснование изучения проблемы влияния на русскую словесность Нового времени «Четых Миней» как одного из этапных текстов русской культуры. Рассматривается особый характер памятника, его степень и формы влияния на русскую ментальность и художественное творчество, виды и способы репрезентации «Четых Миней» в художественных произведениях русской литературы.

Ключевые слова и фразы: Четьи-Минеи; энциклопедизм; гипертекст; интертекстуальность; маркер; минейный код.

Терешкина Дарья Борисовна, к. филол. н., доцент
Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
nicolas_pyat@mail.ru

**ЧЕТЬИ-МИНЕИ И РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ НОВОГО ВРЕМЕНИ:
К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ[©]**

Русская литература (как и русская мысль в целом) евангелцентрична. Священное Писание стояло во главе угла русской ментальности. В отличие от него, Священное Предание существовало как авторитетный текст, но находящийся как бы вне обсуждения. Четьи-Минеи (сборник житий святых, расположенных по дням памяти на каждый день каждого месяца года), особенно после создания Дмитрием Ростовским в конце XVII – начале XVIII в. их наиболее полной редакции, стали в Новое время для русскоязычной среды одним из концептуальных текстов. Четьи-Минеи пользовались огромной популярностью и переиздавались множество раз, будучи постоянно редактируемыми и видоизменяемыми.

Однако наши исследования проблемы влияния Четых-Миней на русскую словесность выявили гораздо более сложную картину бытования концептуального текста русской культуры, чем это представлялось ранее.

Жития святых являются своего рода «образцовыми» текстами, имеют неполемический характер. Вследствие этого прямых философских отсылок к ним крайне мало – как к материалу, не продуктивному для дискуссий. Представляя «положительных», «образцовых» героев, а также относясь к официальной религиозной литературе, Четьи-Минеи оказались гораздо более востребованными в «низовой» среде, будучи популярными, в том числе за счет своих, полных чудес и героизма святых, сюжетов. В среде светской интеллигенции (с петровских времен поддерживающей в целом антиклерикальный способ мышления) авторитет Четых-Миней был несравненно ниже. Обращение к житийной модели человеческого бытия происходило, как правило, в поздние (либо относительно зрелые) периоды творчества автора; это наблюдается по отношению ко всем без исключения фигурам русской (прежде всего светской) словесности. Широко известны слова Ф. М. Достоевского: «...по всей земле русской чрезвычайно распространено знание Четых-Миней – о, не всей, конечно, книги, – но распространен дух ее по крайней мере <...> потому, что есть чрезвычайно много рассказчиков и рассказиц о житиях святых. Рассказывают они из Четых-Миней прекрасно, точно, не вставляя ни единого лишнего слова от себя, и их заслушиваются. Я сам в детстве слышал такие рассказы прежде еще, чем научился читать. Слышал я потом эти рассказы даже в острогах у разбойников, и разбойники слушали и вздыхали. Эти рассказы передаются не по книгам, а заучились изустно. В этих рассказах, и в рассказах про святые места, заключается для русского народа, так сказать, нечто покаянное и очистительное. Даже худые, дрянные люди, барышники и притеснители, получали нередко странное и неудержимое желание идти странствовать, очиститься трудом, подвигом, исполнить давно данное обещание. <...> Некрасов, создавая своего великого “Власа”, как великий художник, не мог и вообразить его себе иначе, как в веригах, в покаянном скитальчестве. Черта эта в жизни народа нашего – историческая» [1, с. 214-215].